

**Некрасов Николай Алексеевич**

# **Мертвое озеро**

**Том 2**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Н63

Н63      **Николай Алексеевич Н.**  
Мертвое озеро: Том 2 / Некрасов Николай Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –  
262 с.

**ISBN 978-5-519-98903-9**

**ISBN 978-5-519-98903-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# МЕРТВОЕ ОЗЕРО.

РОМАНЪ.

## ТОМЪ ВТОРОЙ.

### ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

#### ГЛАВА XXX.

##### ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СМОТРЪ.

Славная деревенька Овинищи! Правда, не велика, но зато домики все такіе нарядные, крытые не сплошь соломой, а чаще тесомъ, съ рѣзными воротами и зелеными ставнями. Любо поглядѣть! При вѣздѣ въ деревню отрадное, успокоительное чувство охватываетъ душу — такъ и повѣетъ тишиной, скромностью довольствомъ и, въ особенности, порядкомъ. Тотчасъ же присутствіе чьего-то зоркаго, бдительнаго глаза и вѣрной руки: хоть чрезъ деревню и проходитъ большая дорога, однакожь улица не сорна и не калыста; безобразныхъ лавцевъ съ очепами, наводящими ужасъ своимъ раздирающимъ душу скрипомъ, пугающими по ночамъ своею исполнениемъ, и не видано въ Овинищахъ; ни одной избушки покочувшейся, или подпертой колыями, или обставленной частоколомъ съ паклей, набитой вплоть до бревенчатой стѣны, ради

тепла; ни одного окна выбитого, заткнутого той же паклей, или заклеенного синей бумагой — избави Богъ! да помѣщикъ Алексѣй Алексѣичъ Кирсановъ, да управляющій его Иванъ Софронычъ Понизовкинъ, да староста ихъ Епифанъ Епифановъ.... у! какъ переполоматся! На то баринъ и держитъ всякое заведеніе, знаетъ всякія науки и искусства, чтобъ бѣду, какая случится, тотчасъ поправлять, и нужды не имѣть до города, и чтобъ проезжающій (а ихъ много по тому тракту) не смѣлъ и подумать, идучи мимо: вотъ дескать, въ Овинищахъ каковъ порядокъ: стекла въ окнахъ выбиты; хорошъ долженъ быть порядокъ! «Нѣтъ, оборони Богъ! говаривалъ Алексѣй Алексѣичъ: — а надо, чтобъ каждый проезжіи остался въ полномъ удовольствіи, и воротившись домой, сказалъ: много проѣхалъ я и селъ и деревень, а такой красивой деревни, какъ Овинищи, и не видавалъ.»

— И скажутъ, замѣчалъ Иванъ Софронычъ.

Проезжающіе играли важную роль въ жизни обитателей Овинищъ: казалось, и жили они не столько для себя, сколько для проезжающихъ. Выкрасить Алексѣй Алексѣичъ крышу погреба красной краской и ужъ не сидится ему въ комнатѣ, похаживаетъ по двору и спрашиваетъ по временамъ у красильщика, оканчивающаго свою работу:

— Смотрять?

— Смотрять, отвѣчаетъ красильщикъ, весь выпачканный краской, привставъ и оглядѣвъ съ крыши дорогу. — Вотъ теперь перемѣжилось, ато сколько ихъ ѣхало — и все смотрять.

— Ничего, красъ, скажетъ Алексѣй Алексѣичъ и задумается; думаетъ-думаетъ и придумаетъ.

— Иванъ Софронычъ! а, Иванъ Софронычъ! кричитъ онъ, оглядываясь кругомъ.

— Чего изволите? раздается откуда нибудь мягкій и почтительный голосъ.

Алексѣй Алексѣичъ идетъ по голосу и, отыскавъ Ивана Софроныча гдѣ нибудь въ погребѣ или амбарѣ, говоритъ:

— А не подновить ли намъ сарай и конюшни? (находящіеся, надо замѣтить, прямо противъ большой дороги).

— А подновить, такъ и подновить, отвѣчаетъ Иванъ Софронычъ, подумавъ.

— А не сдѣлать ли такъ: разграфить сначала всю стѣну поштучно... ну, видывалъ паркетные полы?... и потомъ: одну штуку дернуть голубымъ, другую розовымъ, третью зеленымъ, четвертую....

— Жолтымъ, подсказывалъ Иванъ Софронычъ.

— .... жолтымъ, пятую малиновымъ. А что? небось не будетъ хорошо? Да такой штуки, я думаю, и въ столицѣ нѣтъ.

— Нѣтъ, утвердительно замѣчалъ Иванъ Софронычъ, отмѣривая оверст. — Штука будетъ отмѣнная: такъ озадачимъ иного, что до Переславля не опомнится!

— Дальше! перебивалъ Кирсановъ: — до самого Владиміра!

— А не мудрено, что и до Владиміра.

И дѣйствительно, когда послѣ долгихъ совѣщаній съ красивышикомъ мысль Кирсанова приведена была въ исполненіе, эффектъ превзошелъ ожиданія: проѣзжіе видимо повергались въ недоумѣніе, какого рода назначеніе могло имѣть подобное зданіе; одни принимали его за бесѣдку, другіе за оранжерею, — и удивленію ихъ не было конца, когда вдругъ, на ту пору, выводили оттуда лошадь; близорукіе полагали, что вся передняя стѣна сдѣлана изъ китайскихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, о чемъ и рассказывали не безъ удивленія по пути до самого Владиміра, а иногда и далѣе. Словомъ, такъ или иначе, всѣ поражались и смотрѣли и оглядывались, пока было что-нибудь видно. Слухи объ этихъ толкахъ доходили до нашихъ пріятелей отъ ямщиковъ сосѣдней станціи, пріѣзжавшихъ въ Овиницы ковать лошадей, и наполняли сердца ихъ неописаннымъ счастьемъ. Распросамъ, шуточкамъ, вывѣдываньямъ не было конца, и ямщикъ, привезшій хорошую вѣсть, угощался водкою.

— Да у васъ вижу я новость! сказалъ однажды, заѣхавъ къ нимъ, засѣдатель: — какъ славно сараи выкрашены! Пестрота нынче вообще входитъ въ моду, и ей придумали званіе: рококо!

Алексѣй Алексѣичъ и Иванъ Софронычъ промолчали, полные скромнаго торжества; но оба они замѣтили слово: рококо, и обоимъ оно чрезвычайно понравилось. И когда на другой день, выпивъ чаю и закуривъ трубки, вышли они на дворъ и остановились передъ нововыкрашеннымъ зданіемъ —

— Рококо! сказалъ Алексѣй Алексѣичъ, любясь своей выдумкой.

— Рококо! лаконически отвѣчалъ Иванъ Софронычъ.

И оба тихо и счастливо улыбнулись.

И съ той поры часто, Алексѣй Алексѣичъ, любуясь дивнымъ зданіемъ, или наслаждаясь эффектомъ его на профѣзжающихъ, вдругъ улыбнется, оглянется и выразительно, протяжно произнесетъ :

— Рококо!

И въ ту же минуту, откуда нибудь, изъ амбара, чулана или погреба, послышится въ отвѣтъ ему такой же выразительный, мѣрный и счастливый голосъ :

— Рококо!

И онъ уже знаетъ, какъ при этомъ улыбнется Иванъ Софронычъ, и самъ снова улыбается, какъ будто вѣрный управляющій его находится передъ нимъ.

Въ ту эпоху, когда мы знакомимся съ Кирсановымъ и его управляющимъ, оба они были заняты чрезвычайно важнымъ дѣломъ: происходилъ, по выраженію Ивана Софроныча, «хозяйственный смотръ».

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, въ жаркій лѣтній день, Алексѣй Алексѣичъ, въ бѣломъ кофакѣ, защищавшемъ его сѣдую голову отъ жаркаго солнца, въ зеленой распахнутой фуфайкѣ, и въ сѣрыхъ брюкахъ, обшитыхъ снизу на ладонь кожей, — стоялъ передъ своимъ небольшимъ деревяннымъ домикомъ и усердно принималъ и сортировалъ вещи, выкидываемыя къ ногамъ его изъ слухового окна невидимой рукой.

Алексѣю Алексѣичу было уже лѣтъ шестьдесятъ, если не болѣе, но старикъ былъ еще довольно бодръ. Ростъ его былъ средній; волосы уже сѣды, но довольно густы; сѣдые усы торчали вверхъ и придавали нѣсколько суровый видъ его красноватому добродушному лицу.

Посторонній наблюдатель, незнакомый съ нравами и привычками хозяина, пришелъ бы въ неописанное удивленіе, увидавъ такое обиліе разнообразнѣйшихъ вещей, въ обзорѣнныя которыхъ погруженъ былъ теперь Алексѣй Алексѣичъ. Какъ будто двадцать семействъ, одаренныхъ самыми разнородными вкусами и потребностями, снесли сюда все свое имущество, чтобъ похвастать другъ передъ другомъ. Шубы, хомуты, сѣдла, тазы, женскія платья, валеные сапоги, пучки сушеныхъ травъ, картины, обломки желѣза и жести, дѣтскія игрушки, тетеривиныя чучела

и множество еще подобныхъ вещей летѣло къ ногамъ Кирсанова, который едва успѣвалъ отдавать приказанія, что слѣдовало выколотить, что провѣтрить, что вычистить, что просто выкинуть, и такъ далѣе.

Въ тоже время изъ раствореннаго сарая вывозили экипажи, зимніе и лѣтніе, отличавшіеся необычайной вѣтхостію; изъ другого сарая, изъ амбаровъ выносилась сбруя, старая и новая. Изъ чулановъ выносились сундуки съ холстами и залѣжалымъ платьемъ.

Словомъ, выносилось, вывозилось и выбрасывалось все, что только было въ домѣ и въ разныхъ его закоулкахъ.

Черезъ весь дворъ, обнесенный сараями, амбарами и другими домашними службами, протянуты были веревки, отягченныя всевозможными одеждами — малыми и большими, зимними и лѣтними.

Дворовые люди, мальчишки и бабы суетились по двору, перетаскивая вещи, выколачивая платья, тюфяки, перины, каретныя подушки съ такимъ рвеніемъ, что на дворѣ стоялъ постоянный гулъ, какъ будто били въ набатъ, что, конечно, и казалось пробѣжающимъ мимо, къ удовольствію нашихъ друзей, которые, нельзя сказать, чтобъ не рассчитывали озадачить пробѣжающихъ выгрузкой всего своего имущества.

— Хорошенько, хорошенько! командовалъ Кирсановъ. — Эй, тетка! не лѣнись: выколачивай! Ну пріударь-пріударь, дружицѣй! Вишь сколько пыли — и откуда только она берется? А ты, Оеропонтъ, что зѣваешь? Переверни-ка ее (шубу) теперь другой стороной къ солнцу — пусть попрожарится!

Въ то же время онъ успѣвалъ подхватывать на лету вещи, летѣвшія изъ слухового окна. Кирсановъ разсматривалъ ихъ съ любовью, надъ нѣкоторыми задумывался; другія вызывали веселую улыбку на его губы, и онъ медленно покачивалъ головой. Потъ лилъ съ него градомъ.

— Уфъ, усталъ! говорилъ Кирсановъ, осмотрѣвъ старую медвѣжью шубу, подъ тяжестью которой могли бы подломиться плечи Ильи Муромца. — А славная шубенка! Оерапонтъ, бери-ка ее, да хорошенько!

Едва успѣлъ онъ разогнуть спину, какъ къ ногамъ его полетѣли одинъ за другимъ пучки сушенаго звѣробоя. Мгновенно

окруженный тучею пыли, старикъ припрыгнулъ, сдѣлалъ страшную гримасу и наконецъ разразился троекратнымъ чиханьемъ.

— Желаю здравствовать, вашему высокоблагородію! раздался изъ слухового окна почтительный и озабоченный голосъ.

— Тьфу, проклятая трава! дрянъ дрянью, а такъ въ носъ и лѣзетъ! произнесъ Алексѣй Алексѣичъ. — Это зелье, продолжалъ онъ, обращаясь къ слуховому окну:— я думаю, просто выкинуть, Иванъ Софронычъ, — а?

— Оборони Богъ-съ, выкидывать, отвѣчалъ тотъ же почтительный голосъ сверху. — Полагаю, не имѣли бы такой мысли, еслибъ изволили вспомнить, какую пользу она вамъ принесла, какъ весной вашему высокоблагородію грудь заложило.

— Новой пасушимъ!

— Новая можетъ еще съ фальшемъ какимъ уродится....

— Умень ты у меня, Софронычъ! сказалъ Кирсановъ. — Правда твоя: просто провѣтрить ее, да и припрятать опять: *не пролежитъ лѣта!*

— А вотъ ужъ дрянъ такъ дрянъ, сказалъ Иванъ Софронычъ, все еще невидимый: — заподлинно, съ ней и сдѣлать ничего лучше не придумаешь, какъ выкинуть. И на что вы изволили ее и купить-то? Даже мышъ ее не беретъ. Лежитъ, лежитъ, а все цѣлехонька, пропадай она!

И въ слѣдъ за тѣмъ къ ногамъ Кирсанова полетѣла старая книга.

Кирсановъ поднялъ ее, обдулъ, развернулъ. То былъ календарь 1796 года.

Прочитавъ заглавіе, Алексѣй Алексѣичъ залился продолжительнымъ добродушнымъ смѣхомъ:

— На что купилъ? воскликнулъ онъ. — Эхъ, голова, голова! — Велика голова, а мозгу мало.... На что купилъ?... Да дѣлай мы все такія покупки, такъ еще куда ни шло!... А вотъ скажи-ка, мудрая голова, какая зима стояла въ 1795 году?

— А какъ мнѣ знать?

— Ну вотъ то-то же! А я такъ знаю!

Кирсановъ отыскалъ страницу и прочелъ, какая зима стояла въ 1795 году.

— Что, не будешь теперь спрашивать: на что купилъ? Не полезная небось вещь?

— Полезная, отвѣчалъ Иванъ Софронычъ, пристыженнымъ голосомъ.

— То-то же! Вотъ оно какъ: купить хорошую вещь, никогда она не мѣшается; а чего и стоила-то? Я за нее, какъ теперь помню, двадцать-шесть копеекъ далъ, да еще въ придачу взялъ бритву тульскую.

— Сточенную, ввернулъ Иванъ Софронычъ.

— ...и греческую грамматику.

— Да на что вамъ греческая грамматика?

— А такъ все думалось: можетъ женюсь — дѣти пойдутъ: пригодится!

— Полагаю: много денегъ изволили перевести, собираясь жениться — вотъ хоть бы тогда девятисто рублей за коляску ввалили — все думали: можетъ женюсь, жена будетъ модница, такъ вотъ: ходъ славный, колеса знатныя, только отдѣлать. А вотъ жениться не женились, а деньги отдали.

— А чтожь и въ самомъ дѣлѣ? Небось дорого далъ? Вѣдь ходъ и точно славный — одинъ чего стоитъ! кому не надо, сто рублей дать!

— Хорошъ; только къ нему нужно до тысячи прибавить, чтобъ коляска вышла!

— Эхъ, Иванъ Софронычъ! съ досадой перебилъ старикъ. — Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ. Досадно вотъ, что я устоялъ, не женился, какъ ты, — такъ вотъ и сердись, попрекаешь коляской!

— Осмѣлюсь вамъ доложить, грѣшить изволите, ваше высокоблагородіе! Женитьбой попрекнули! А кто подбивалъ! не сами, небось? Не одна коляска — сколько платья было у васъ женскаго тожь куплено! Я докладывалъ: «Эй, не извольте покупать, найдите прежде невѣсту». Такъ нѣтъ: «бери, Софронычъ: не пролежитъ мѣста!». Да, что и говорить! А вотъ какъ купили да свалили все въ чуланъ, такъ сердце бывало переворачивается глядѣть: лежитъ, гниѣтъ добро! Ничего бывало не изволите говорить, а вѣдь вижу, какъ оно болятъ у васъ, а какъ сказали разъ, да такимъ жалостнымъ голосомъ: «хоть бы ты, Софронычъ, женился», такъ словно туману кто пустилъ въ глаза. Мочи нѣтъ жаль стало: что, въ самомъ дѣлѣ, гниѣтъ добро? Взялъ и женился... да только что же вышло?...

При этомъ воспоминаній Иванъ Софронычъ вздохнулъ, а Кирсановъ добродушно улыбнулся.

— Стану я—говорить—продолжалъ Иванъ Софронычъ, подражая пискливому и раздражительному женскому голосу. — Стану я—говорить—носить платье Богъ знаетъ съ кого: можетъ еще съ покойницы; да нынче и моды такой нѣтъ! Вотъ и вышло, женился, а что проку?

Софронычъ опять вздохнулъ. Кирсановъ слушалъ, сдерживая смѣхъ, и наконецъ сказалъ таинственнымъ голосомъ:

— Иванъ Софронычъ, а Иванъ Софронычъ! — Федосья идетъ!

Иванъ Софронычъ немедленно умолкъ и слышно было, какъ онъ стремительно отшатнулся въ глубину чердака.

Тогда Кирсановъ громко захохоталъ.

— Полагаю, изволили пошутить, замѣтилъ Иванъ Софронычъ, приближаясь снова къ слуховому окну.

И оба они усердно принялись за свою работу: одинъ выкидывалъ вещи, а другой сортировалъ ихъ и отдавалъ приказанія. Жаръ усиливался. Кирсановъ снялъ фуфайку и засучилъ рукава рубашки; но потъ все-таки лилъ съ него градомъ.

— Иванъ Софронычъ, а Иванъ Софронычъ!

— Чего изволите?

— А что ты думаешь насчетъ чижики?

— А думаю, что чижики птица хорошая, пѣвчая....

— И увеселительная? спросилъ Кирсановъ, лукаво прищуриваясь.

— Полагаю, что и увеселительная, отвѣчалъ серьезно Иванъ Софронычъ.

— Да нѣтъ. А я вотъ о чемъ: не пора ли?

— Ни, ни, ни! отвѣчалъ Иванъ Софронычъ. — Надо прежде дѣло покончить, ато какъ разморитъ жаромъ, такъ будетъ не до работы.

— Ну, будь по твоему. Зато ужъ чижику сегодня.... только держись!

— Посторонись! скомандовалъ Иванъ Софронычъ.

И въ слѣдъ за тѣмъ къ ногамъ Кирсанова полетѣла, съ глухимъ перекатнымъ звономъ, жестяная доска, на которой былъ наклеиванъ часовой циферблатъ, съ гириями и маятникомъ.

Приплюснутый ею, зѣвробой пустилъ новую тучу пыли. Алексѣй Алексѣичъ снова расчихался.

— Желая здравствовать! слышалось сверху.

— Тѣфу ты пропасть! воскликнулъ Алексѣй Алексѣичъ. — Ба, ба, ба! продолжалъ онъ, осматривая жестяную доску. — Вывѣска часового мастера! Вотъ ужъ хоть убей, не помню, чтобъ у насъ была такая вещь. И вѣдь вотъ утащи кто нибудь и не спохватился бы никогда!

— Какъ утащить! возразилъ Иванъ Софронычъ. — На что же я у вашего высокоблагородія и хлѣбъ ѣмъ, какъ не затѣмъ, чтобъ все было въ сохранности!

— Да нѣтъ, ты мнѣ скажи, откуда взялась у насъ часовая вывѣска? Ужъ не подкинулъ ли кто?

— Полагаю: изволили забыть, отвѣчалъ почтительно Иванъ Софронычъ. — А она, осмѣлюсь вамъ доложить, точно у насъ была.... и она есть, съ гордостью заключилъ Иванъ Софронычъ. — Въ 1819 .... нѣтъ; дай Богъ память! въ 1817 году, когда были въ городѣ, изволите помнить: увидѣли мы ее въ лавкѣ купца Калистрата Подоплѣкина. Я еще тогда докладывалъ, что напрасно-де, Алексѣй Алексѣичъ, изволите торговать ее, даромъ объѣзьянитесь.... да ваше высокоблагородіе сказали: вотъ у Оерапонта сынъ наклонность къ механикѣ показываетъ: все вытачиваетъ кубари да разныя штуки; можетъ, часовымъ мастеромъ будетъ.

— Да, да, да! сказалъ Кирсановъ. — Теперь вспомнилъ. Вѣдь дали-то мы за нее пустяки! дешевле пареной рѣпы! Да тутъ жести одной на цѣлковый будетъ!

— На цѣлковый не на цѣлковый, а гривенниковъ на десять будетъ, съ важностью замѣтилъ Иванъ Софронычъ.

— Да написать-то ее что возьмутъ, да еще здѣсь такъ и не напишутъ — вѣдь работа-то московская! Помнишь, Иванъ Софронычъ, продолжалъ Кирсановъ, и лицо его одушевилось: — помнишь еще, какая уморительная штука тутъ вышла. Торговали-то мы ее у мальчугана, такъ еще глупенька! Отдалъ чуть недаромъ. Мы ужъ и деньги заплатили, на извозника ее хотѣли класть, — вдругъ приходитъ хозяинъ, да какъ узналъ, за сколько продана вывѣска, такъ и накинулся на мальчика: «такой-сякой ты — говоритъ — въ убытокъ продаешь!», да и ну его тормозить. А мы поскорѣй вывѣску на извозника и да-

вай Богъ ноги.... чего добраго, еще отнять бы.... Ха, ха, ха!

Кирсановъ добродушно смѣялся; сверху вторилъ ему такой же добродушный хохотъ.

— Дешево досталась, сказалъ Иванъ Софронычъ: — а правду сказать: отними онъ тогда ее — все лучше бы....

— Лучше? да чѣмъ же лучше? Одно жаль: оерапонтовъ сынъ какъ подростъ, присталъ: отдай, да отдай его въ сапожни-ки! Ну разумѣется, илежитъ. А все же вещь хорошая — понеси ее теперь продавать — кому не надо, дороже дастъ! Вотъ ты мастеръ упрекать, а кто купилъ лошадку? заключилъ Кирсановъ, покотивъ огромнаго деревяннаго коня. — Вотъ ужъ тутъ понеси продавать — барыши плохи!

— Кто купилъ? Я! да зато я зналъ, что дѣлалъ: вотъ у меня дочь.

— Ха, ха, ха! Еще бы сынъ.... Ато дочери въ лошадку играть.... Ну, а пушку, а пушку?

— Пушку? отвѣчалъ Иванъ Софронычъ немного смущеннымъ голосомъ. — Ну, насчетъ пушки — проштыкнулся! Да и то еще можетъ и не совсѣмъ проштыкнулся: вотъ если сынъ будетъ....

— Знаю, я знаю, чего тебѣ хочется! Ты и лошадку-то покупалъ, небось, объ дочери думалъ? Какже! да не будетъ сына!

— Пу, а какъ будетъ!

— Давай Богъ, давай Богъ, посмѣиваясь замѣтилъ Кирсановъ. — Были бы дѣти, а игрушки будутъ. Ну-ка, Иванъ Софронычъ! пора, право пора приступить къ чижику! А! откуда, красавица? воскликнулъ Алексѣй Алексѣичъ, завидѣвъ бѣжавшую къ нему хорошенькую дѣвушку лѣтъ тринадцати.

Дѣвушка остановилась, раскраснѣвшаяся какъ маковъ цвѣтъ, и не могла ничего сказать: грудь у ней высоко полымалась, стянутая узкимъ платищемъ, и маленькія розовыя ноздри часто и широко раскрывались.

— Что, много у насъ добраго? самодовольно спросилъ Алексѣй Алексѣичъ, замѣтивъ любопытство, съ которымъ живые черные глаза дѣвушки перебѣгали по предметамъ.

— Много, отвѣчала она.

— Много, Настенька, порѣшилъ Алексѣй Алексѣичъ, скрутивъ рукавъ своей рубашки такъ, что рука, помѣщенной въ немъ,